

Бариев Ильнур Ильданович, студент,
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

Научный руководитель:
Бячкова Наталия Борисовна,
кандидат философских наук, доцент профессор кафедры
социально-гуманитарных и профессиональных дисциплин
факультета внебюджетного образования,
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПРЕСТУПНОСТИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ХРОНИКИ И УГОЛОВНЫХ ДЕЛ)

Аннотация. В исследовании раскрывается влияние религиозного фактора на преступность в период рубежа XIX–XX веков – через призму судебной хроники и материалов уголовных дел. Фокус сосредоточен на трёх явлениях: ложных обвинениях в ритуальных преступлениях (ритуальных наветах), мошеннических действиях под прикрытием религиозной деятельности и конфликтах, порождённых религиозным фанатизмом. На основе архивных источников и судебных решений показано, как религиозные воззрения и обряды превращались в побудительный мотив правонарушений, средство манипуляции или причину общественных столкновений.

Ключевые слова: Религиозный фактор в преступности, религиозное мошенничество, религиозный фанатизм, конфликты на религиозной почве.

Актуальность исследования обусловлена значимостью религиозного фактора в формировании криминогенных практик и правоприменительной политики на рубеже XIX–XX вв. – периода глубоких социальных трансформаций в Российской империи. Анализ ритуальных наветов, религиозного мошенничества и фанатичных конфликтов позволяет выявить механизмы использования веры в противоправных целях, а также проследить эволюцию государственно-конфессиональных отношений в условиях модернизации.

В дореволюционной историографии внимание уделялось преимущественно богохульству и вероотступничеству в контексте защиты православия (работы Н. С. Таганцева, И. С. Бердникова). В советский период религиозные преступления рассматривались как форма социального протеста против самодержавия (исследования Е. М. Ярошевской). Современные авторы (В. Ф. Лёвин, В. Б. Лебедев, С. А. Лукьянов) фокусируются на региональной специфике и эволюции законодательства, но редко обращаются к судебно-следственным материалам как источнику.

На рубеже XIX–XX вв. Российская империя переживала период интенсивной социальной трансформации: индустриализация, урбанизация, рост грамотности и мобильности населения сопровождалась кризисом традиционных ценностей. В этом контексте религиозный фактор нередко становился катализатором противоправного поведения – от ритуальных наветов до фанатичных столкновений.

Ритуальные наветы – ложные обвинения в совершении религиозных обрядов с человеческими жертвами или иными «кошунственными» действиями – приобрели особую остроту в контексте антисемитских настроений и межконфессиональных противоречий.

Анализ уголовных дел 1890–1910-х гг. (например, дело Бейлиса 1913 г.) показывает, что обвинения часто строились на слухах, фольклорных стереотипах и «свидетельствах»

малограмотных очевидцев; следственные органы нередко поддавались общественному давлению, игнорируя отсутствие вещественных доказательств; судебные процессы превращались в площадку для пропаганды ксенофобских идей. При этом законодательство (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., ст. 201–203) предусматривало суровые санкции за «оскорбление святынь», но не содержало чётких критериев разграничения ритуального преступления и навета. Это создавало правовую неопределённость, которую использовали как обвинители, так и защитники [2].

Вторая категория преступных деяний затрагивала сферу религиозного чувства верующих и была связана с его недобросовестной эксплуатацией. Можно выделить несколько характерных моделей противоправных действий:

1. Деятельность псевдопроповедников. Не имеющие духовного сана самозванцы – так называемые «старцы» и «пророки» – эксплуатировали веру людей, собирая денежные пожертвования. В обмен они сулили сверхъестественные блага: обещали избавить от недугов посредством «чудесного исцеления» либо гарантировать «отпущение грехов».

2. Торговля поддельными святынями. Злоумышленники реализовывали фальшивые предметы религиозного культа, выдавая их за подлинники. В ход шли «святые мощи», иконы, якобы наделённые особой духовной силой благодаря многолетним молитвам, и прочие культовые артефакты.

3. Махинации в рамках сектантских общин. Преступники занимались вербовкой новых членов в религиозные группы, после чего прибегали к противоправному изъятию их имущества. Ярким примером служат судебные процессы против скопцов и хлыстов в 1880–1890-х годах [3].

Законодательное регулирование данной области отличалось внутренней противоречивостью. С одной стороны, правовые нормы стояли на защите официальной церкви и предусматривали репрессивные меры в отношении лиц, причисленных к «раскольникам» и «еретикам». С другой – в законодательстве отсутствовали специальные статьи, прямо квалифицирующие религиозное мошенничество как отдельный вид преступления. Это создавало лазейки, позволяющие злоумышленникам избегать заслуженного наказания [4].

Анализ судебной практики показывает: подобные правонарушения зачастую подпадали под статью о мошенничестве (ст. 1666 Уложения). Однако установление умысла представляло существенную сложность. Причина заключалась в специфике восприятия потерпевших: их религиозный опыт носил субъективный характер, что затрудняло объективную оценку обстоятельств дела и доказывание преступного намерения обвиняемых.

Третья группа противоправных деяний связана с проявлениями религиозной нетерпимости – агрессией в отношении лиц иного вероисповедания или тех, кого община считала «отступниками от веры». Исследование судебной практики за период с 1890 по 1905 год позволяет выделить несколько типичных форм подобных преступлений:

1. Повседневные проявления вражды. В бытовой сфере нередко фиксировались акты насилия: физические расправы, умышленное уничтожение имущества, а также словесные угрозы, направленные против так называемых «еретиков» – в частности, приверженцев старообрядчества или баптистского учения.

2. Коллективные вспышки агрессии. Нередко конфликт перерастал в массовые беспорядки: случались погромы, поджоги зданий, используемых для религиозных собраний. Ярким примером служит инцидент в Кишинёве в 1903 году, когда волнения вылились в разрушительные действия против молитвенных домов.

3. Внесудебные расправы. В сельской местности порой происходили самосуды: людей, заподозренных в колдовстве или ведьмовстве, подвергали линчеванию, опираясь на укоренившиеся предрассудки [1].

Ключевая черта таких правонарушений – их массовый характер и опора на неписанные «традиционные» установки, воспринимаемые общиной как безусловная норма. Реакция властей сводилась преимущественно к жёстким репрессивным мерам: административной высылке, направлению воинских подразделений для усмирения. Однако подобные действия зачастую не сглаживали, а напротив, усугубляли социальную напряжённость, подпитывая взаимное недоверие и враждебность.

Анализ судебной практики той эпохи выявляет три фундаментальные проблемы, с которыми систематически сталкивалось государство в сфере регулирования религиозных отношений:

1. Недостаточная правовая определённость. Законодательная база страдала от отсутствия чётких дефиниций таких понятий, как «религиозное преступление» и «фанатизм». Это порождало произвольную трактовку норм и создавало простор для субъективного правоприменения.

2. Доминирование морально-этических установок над доказательной базой. Судебные решения зачастую формировались не на основании объективных фактов и юридических аргументов, а под влиянием так называемых «нравственных чувств» православного большинства. Судьи нередко отдавали приоритет общественным настроениям, а не строгому следованию процессуальным нормам.

3. Конфессиональная несбалансированность правовой системы. Преследования представителей религиозных меньшинств – сектантов и иноверцев – маскировались под борьбу с «преступным суеверием». Фактически это вело к избирательной правоприменительной практике, где одни конфессии получали привилегии, а другие подвергались дискриминации [5, с. 471].

Попытки реформирования правового поля в 1905–1906 годах – в частности, принятие Манифеста о веротерпимости и новых законов о свободе совести – позволили частично снизить накал религиозных конфликтов. Однако эти меры не смогли ликвидировать глубинные противоречия системы.

В результате проведённого исследования можно сформулировать следующие ключевые выводы. На рубеже XIX–XX веков религиозный компонент в структуре преступности реализовывался в трёх главных формах: ритуальные наветы, мошеннические действия, конфликты, обусловленные религиозным фанатизмом. Для каждой из указанных форм были характерны собственные мотивационные основания, специфические механизмы совершения противоправных деяний, а также особенности юридической квалификации.

Анализ судебной практики выявил противоречивую тенденцию: с одной стороны, прослеживалось настойчивое стремление обеспечить охрану общественного порядка; с другой – наблюдалось явное влияние конфессиональной политики и укоренившихся стереотипов на принятие судебных решений.

Список литературы:

1. Лебедев, В. Б. Правовые основы веротерпимости в России в начале XX века / В. Б. Лебедев // Государство и право. – 2020. – № 3. – С. 88-95.
2. Лёвин, В. Ф. Религиозные преступления в законодательстве Российской империи в XVIII – начале XX в. / В.Ф. Левин // История государства и права. – 2018. – № 5. – С. 42-47.
3. Лукьянов, С. А. Религиозное мошенничество: историко-правовой аспект / С.А. Лукьянов // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2019. – № 4. – С. 112-120.

4. Никитин, А. А. Религиозные преступления во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Симбирской губернии) / А. А. Никитин, Д. Н. Демьянов // История Поволжья сквозь призму истории России : сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения историка Е. В. Тарле и 80-летию кафедры истории УлГПУ им. И. Н. Ульянова (Ульяновск, 2024). – Ульяновск, 2024. – С. 307-311.

5. Солнышкин, А. А. Ответственность за святотатство в Российской империи XIX – начала XX веков (право и правоприменение) / А. А. Солнышкин, Н. М. Корнева // Научный диалог. – 2021. – № 7. – С. 463-478.

